

ОСНОВЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Подспудные догадки относительно истинной эволюционной сути земных организмов, являющихся никакими не божественными созданиями, а простыми биороботами, преследовали человечество давно. И даже, к слову, тот весьма щекотливый для нас расклад, при котором и «его величество» Homo sapiens тоже может олицетворять собой некую искусственную, а не реально существующую ипостась, обсуждался в свое время как солипсистами (Лао-цзы, Будда, Горгий, Клод Брюне), так и другими известными мудрецами древности; но, правда, в несколько уже ином ракурсе.

Однако в серьезной науке одних лишь спекулятивных досужих разглагольствований явно недостаточно – требовались конкретные аргументы. И вот ровно полтора века тому назад в Петербурге вышла эпохальная, без преувеличения можно сказать, книга “Рефлексы головного мозга”, где все эти доказательства были наглядно как раз и вполне убедительно представлены. И хоть против самого «отца российской физиологии» И.М.Сеченова тут же мигом ополчилось немало тогдашних религиозных деятелей, обвинив его в богохульстве, аморальности и прочих тяжких неискупимых грехах, - однако соответствующий зачин был, как говорится, успешно положен, да и к тому же надежно задокументирован. С чем, кстати, в итоге согласилось и большинство мирового ученого сообщества. А уже в середине следующего столетия эти прогрессивные идеи нашего прославленного земляка были творчески подхвачены американцем Норбертом Винером, фактически уравнившим любое живое существо с машиной.

Но всё же, как бы там ни было, в предлагаемой тут вашему вниманию новом своём философском трактате автор делает смелую отчаянную попытку еще глубже проникнуть в потайные лабиринты человеческой психики - мысленно насквозь сканируя внутриклеточное пространство и обосновывая сам по себе эволюционный механизм оптимального программного управления в донельзя сложных и запутанных нервных сетях.

Да уж, действительно, спорить здесь особо не приходится: все мы – эстетически изящные, нравственно безупречные и очень притом эрудированные биороботы! Но только вот почему же, впрочем, многие на

практике так настороженно, а подчас даже и воинственно к этому относятся? Да потому что в сфере высшего медицинского образования СНГ по-прежнему всё еще безраздельно господствует банальный марксистско-ленинский материализм. Подлинного же идеалистического крыла (подчеркну: не религиозного, а именно научно-исследовательского), по сути, просто-напросто нету. Ну, за исключением разве что каких-то считанных энтузиастов-одиночек (наподобие Н.П.Бехтеревой, В.И.Цымбалюка, В.Д.Мишиева, В.В.Васильева, В.Н.Белова). И хотя новое передовое знание неукротимым стремительным потоком начало всё ж таки сейчас уже выплескиваться наружу, однако для него заведомо маловато пока еще, на наш взгляд, надлежащей государственной поддержки.

Что ж, постараемся тогда уж хотя бы в этой своей обзорно-полемиической статье каким-то доступным образом исправить такую не весьма приятную тенденцию.

I

Человеческая память функционирует на нескольких уровнях. Первичная напрямую связана с сенсорным запечатлеванием и локализуется в таламусе. Это по сути дела монадная память. Эмоционально окрашенные информационные ощущения несколько секунд спустя можно ещё восстановить в сознании за счёт реверберации нервных импульсов по таламусу (а иногда и вышележащим мозговым слоям, отвечающим, например, за восприятие речи, жестов, иероглифов и других сложных символов).

К слову, лимбические структуры (включая сюда и гиппокамп) способны принимать не только целевые приказы из таламуса, но и улавливать эмоциональный фон любых адекватно закодированных сообщений, поступающих в приемлемом для них виде из коры. Гиппокамп ответственен, кроме того, и за функционирование у человека оперативной памяти.

Как уже было сказано об этом ранее, в ходе исторической эволюции природных систем довольно-таки отчётливо прослеживается преемственность в структуре и способе формирования ощущений и эмоций, характерных для данного конкретного этапа. Но всё же наиболее хорошо это видно на примере памяти, ведь краткосрочная память каждой последующей системы базируется на мнемосубстрате предыдущей.

Кстати говоря, сиюминутно-реверберативная память также, по-видимому, присутствует на любой ступеньке эволюционной иерархии, но она прежде всего зависит от самого импринтинга и путей проведения сигналов, а не от низлежащих структур, поскольку разноуровневые системы по-разному воспринимают ход времени, а значит – и последовательную хронологию событий.

Хотя специфическая фундаментальная память хордовых зиждется, в принципе, на астроцитах, но тем не менее, если понадобится, вполне способна апеллировать и к долгосрочной мнемо-субстанции низшего порядка, представленной, по идее, внутриядерными (но иногда, возможно, и внеклеточными) белками**. Однако у всех без исключения людей долговременная память (приуроченная – напомним - к серому веществу коры обоих полушарий) формируется из оперативной и причём, как правило, в минуты сенсорного затишья, т.е. в основном днём. Ночью же какими-то периодическими урывками (ибо большинство времени мозг попросту отдыхает) доделывается лишь то, что не успелось в течение светлой поры суток. Хотя астроциты (обладающие, как известно, гораздо меньшим эволюционным «стажем») хранят свою базу данных в аналоговом виде, а пептиды – в цифровом, обе эти функции носят всё ж таки строго избирательный характер. Причём в ходе отбора более важного материала уже имеющиеся до этого в нейронах белки-понятия заведомо играют ведущую роль, а подкорковые структуры, ответственные за оперативную память, - лишь второстепенную. Феномен же тотального запоминания присущ лишь первичному «я» (да и то востребовать подобную информацию далеко не каждому по силам).

II

Человеческое мышление основано на долговременной памяти и формируется в ареалах, непосредственно прилегающих к соответствующим сенсорным анализаторам в коре головного мозга. Одни и те же понятия, что вполне естественно, способны при этом неоднократно дублироваться в зависимости от их этиологической природы. К тому же тут еще следует учитывать возможное разветвление логосов не только в сенсорном аспекте, но также и на более высоком порядковом уровне: в качестве омонимов, синонимов, идиом, неологизмов и даже по сугубо эмоциональным признакам. Причём новые астроцитные и белковые понятия выстраиваются (с привязкой, конечно же, к уже имеющемуся здесь материалу) на основе свежих релевантных образов, достойных быть занесенными в долговременную память.

В толще больших полушарий, так же примерно, как и в сложных кибернетических устройствах или предложениях формальной логики, существуют свои иерархические пирамиды, на вершине которых располагаются сверхпонятия. Кроме того, там же есть и структуры, отвечающие за функционирование принципа обратной связи, ассоциативные зоны, аналоги категориально-семантического аппарата и многое другое. Кстати, в формальной логике, можно сказать, вообще нет ничего такого, что не было бы так или иначе реализовано в мозгу высокоразвитых представителей земной фауны. Так, пользуясь известным законом: "Если из А следует В, то из не-В следует не-А", мы должны быть готовы к нахождению белка "не-В", непосредственно связанного с белком "не-А". Разумеется, такие абстрактные структуры с целью экономии пространства закладываются в основном на уровне сверхпонятий.

За связь между отдельными белками-понятиями отвечают конкретные «подведомственные» хромосомы, а вот за формирование результирующих ассоциативных треков - как раз уже сами нейроны, пользующиеся, по-видимому, для этого обычными электрическими импульсами (в отличие от кодированных звуковых сигналов своих нуклеиновых предтеч). Эти нейроны могут работать в любое время вне зависимости от направленности сознания, но в основном делают это днем, в период бодрствования. При замыкании длинных силлогистических цепочек "белок А - белок В - белок С - белок Д" посредством "белок А - белок Д" клетки возбуждаются, выражая радость, что, как известно, ведет к выделению дополнительной энергии. Энергия, преобразуясь в нервный импульс, достигает таламуса, хотя и отнюдь не всегда должным образом там воспринимается. Если сигнал для организма не актуален, "я" на него не реагирует. В других же случаях оно и само может послать запрос в кору, если надо что-то вспомнить или срочно найти ответ. Такой путь общения намного более действенный.

Как известно, белки, любого уровня и происхождения (от элементарных пептидов – до архизапутанного 4-мерного гемоглобина) не обладают перцептивными способностями воспринимать происходящее вокруг, так как собственные ощущения их субатомных монад остаются, по сути, разрозненными, а потому и неактуальными для нас. Однако, несмотря на это, скрепленные между собой сложной цитоархитектонической связью, кортикальные макроглобулины развивают (при условии подпитки их достаточными порциями энергии) исключительно активную деятельность в ином направлении. Речь идет о мечтах,

фантазиях, творческих поисках, инерционном домысливании уже после выхода данного участка из сферы сознания. Причём именно за счёт автономии кортикальномозговых структур возникает как раз большинство психологические неясностей типа подсознательного и сновидного творчества, феномена образно-вербальных «ножниц», ну и, конечно же, пресловутой интуиции. Но и здесь нельзя огульно всё обобщать. Так, например, только одни фантазии могут формироваться как минимум на трёх разных иерархических уровнях. Конкретное же различие их по топогенезу резоннее всего было б тут, очевидно, проводить в соответствии со сложностью всплывающих при этом чувственно-мыслительных образов, а также, впрочем, и с их субъективной окраской. Возьмём, например, нелепые визуальные картинки, фиксируемые на черном фоне тотчас после смыкания век. В зависимости от того, была ли для их спонтанного порождения приложена воля, или же это просто реверберативный отпечаток увиденного, эти фантастические образы можно причислить и к инерционной деятельности сенсорных ядер, и к непосредственной атрибутике центрального «я». Все дремотные, галлюцинаторные, сомногенные видения по своей локализации никогда, как правило, не поднимаются выше древних участков коры. И только мало ощущаемые фантазии чисто творческого плана, являющиеся предметом исследований науки эвристики, служат, по сути, подлинным и к тому же характерным образцом продукции высших отделов человеческого мозга. Что же касается астроцитов, то они здесь (и прежде всего – в складках серого вещества) выступают только в качестве пассивных (хотя и довольно надежных) хранителей памяти. Причем, как уже было сказано выше (см. предыдущий раздел), автор склонен считать, что она несёт в себе аналоговый, а не цифровой код, будучи напрямую обусловлена тесным биохимическим взаимодействием между глио- и нейро-трансммиттерами.

Итак, в отличие от мгновенного узнавания с чувственным подтекстом, большинство других реминисцентных образов (т.е. не связанных с острыми сиюминутными нуждами индивида) обязаны своим генезисом преимущественно коре. Передаются они, быть может, и квантово-волновым путем, но проецируются в человеческое сознание всё ж таки наверняка уж через вполне привычный для нас вещественный (а точнее - монадный) субстрат. Причем практически то же самое следует сказать и о сложных многоступенчатых абстракциях, да и вообще о любых умственно-

созидательных процессах, характерных, так или иначе, для серьезной научной деятельности. И хотя их реализация, по сути, мало чем отличается от сходных ранее описанных нами явлений, протекающих в сенсорных ядрах, но тут уже, однако, требуется всё же непосредственное активное участие и высших (кортикальных) мозговых структур. Во-первых, создается абстрактный образ наблюдателя, с точки зрения которого рассматривается представляемый объект; а кроме того, дополнительно сюда еще привлекаются такие сугубо рациональные категории, как величина, размерность, угол восприятия и т.п. Все эти операционные процедуры входят в обязанности мышления, а окончательно созданный образ передается в центральное "я". Хотя последнему вместе с тем тоже ни в коем разе недопустимо отводить в этих процессах какую-то мелкую второстепенную роль. Вот, к примеру, одно из наиболее наглядных подтверждений сказанного: издавна хорошо известно, что у слабоумных людей не бывает, как правило, устойчивых и достаточно прочных мысленных ассоциаций. Возникающие у них образы зыбки, расплывчаты и быстро улечиваются из сознания, то и дело сменяясь какими-то новыми...

Помимо этого, общий характер продуцируемых представлений может зависеть также от конкретного эмоционального настроения, специфической полушарности данного индивида, степени развитости мозговой цитомиелоархитектоники и ряда других немаловажных факторов.

III

Формальная логика - это наука, исследующая основные аксиомы и принципы мышления. Иными словами, ее понятийный аппарат являет собой идеализацию множества рабочих структур и контактов, существующих в коре. В то же время смело можно утверждать, что в обыденной человеческой логике нет не только иррационализма или абсурдности, но и вообще ничего такого, что отсутствовало бы в окружающей нас природе. Все силлогистические связи основаны на фундаментальном явлении причинности, ведущем свое начало из незыблемого принципа единообразия и единозакония как во взаимодействиях на микроуровне, так и на высших этапах системной эволюции. С философской точки зрения это незыблемое постоянство естественней всего было б, очевидно, объяснить конечным набором базовых элементарных частиц (включая, разумеется, информоны), обладающих в свою очередь конечным же набором собственных

константных характеристик. Причем в случае непринятия концепции глубинной неисчерпаемости материи (в трактовке Анаксагора & Брюсова) подобное обоснование будет даже *per definitionem* и вполне достаточным.

Математическая логика более искусственна и абстрактна по сравнению с формальной. Примерно то же самое следует сказать и о кибернетике, которая лишь в начале своего становления хоть как-то соответствовала общему анатомо-физиологическому уровню развития мозговых структур. Если же роботы научатся самостоятельно копировать (ну или, допустим, штамповать) своих электронных «собратьев», то они наверняка уж постараются усовершенствовать заодно любые удобные и выгодные для них пути создания новых вычислительных алгоритмов, превзойдя в этом рано или поздно и собственного творца - человека.

Существует несколько основополагающих принципов и аксиом мышления, все из которых имеют так или иначе свои корни в повседневной земной реальности. Вот они.

- 1. Субъект не может воздействовать на самого себя; откуда уже, кстати, непосредственно вытекает, что ни один субъект никогда не сможет адекватно и полностью познать себя (а особенно, если сравнивать с соседствующими с ним объектами).**

Причём четкое конвенциональное деление на «я» и «не-я» является в данном случае не столько уж некой эксклюзивной фишкой нашего мироздания, как следствием, скорее, элементарной семиотической упорядоченности на уровне знаков и дефиниций. Весьма показательно в этой связи, что в русском языке вообще нету даже таких слов, как «самодействие» или «самовлияние».

Правда, у нас есть парочка внешне, казалось бы, похожих терминов: например, «самоорганизация» и «саморазвитие». Однако оба они символизируют собой процессы, происходящие в той или иной автономной системе вполне объективно и закономерно - вне зависимости от её собственного волевого желания. Ведь даже пресловутые йоги, дервиши и прочие чудотворцы, умеющие усилием мысли отключаться от реальности и выходить из тела, пользуются при этом всего лишь навсего банальным фактором наличия в черепной коробке каждого индивида, как минимум, двух альтернативных симметрично-таламических «гомункулюсов».

- 2. Критерий истинности - в практике.**

Данное утверждение – больше, пожалуй, мировоззренческого характера, так как основывается на абсолютизации наивно-реалистического восприятия

человеком окружающей действительности. Что *ipso facto* (если, конечно, не привлекать сюда, согласно Оккаму, лишних сущностей) ведет к прерогативе подлинно научных методик над какими бы то ни было религиозно-духовными, включая и весьма модные нынче медитативные «выходы из тела».

3. Всё в жизни нужно рассматривать лишь с точки зрения чего-то конкретного, а не как явление в целом.

Это так называемое фундаментальное релятивистское правило, наиболее ярко проявляющееся в отношении атрибутов и предикатов. С ним, однако, не обязаны согласовываться различного рода высказывания, термины и понятия, связанные с измышлениями человеческого разума и используемые в категориальном аппарате, а также иных абстрактных конструкциях. Причем данное замечание в той же мере касается и следующего пункта.

4. Обо всем можно судить только в вероятностном смысле.

Сюда же вплотную примыкает близкий по духу принцип пространственно-временной неопределенности, у истоков формулировки которого стоял еще Гераклит. Хотя вместе с тем, увы, им нередко злоупотребляют с целью уйти от четкого и конкретного решения того или иного вопроса, что отразилось, к примеру, на обсуждении проблемы потенциального наличия у электрона свободной воли. Вот почему в серьезных научных разработках, пока все другие аргументы не исчерпаны, к принципу неопределенности лучше стараться не апеллировать.

5. Теоретическое познание, в отличие от эмпирического, возможно лишь с обязательным применением силлогистики, индукции, ретроиндукции и глубокого абстрагирования; однако всё это – в рамках тех законов, которые детальней уже были рассмотрены ранее.

В арсенале традиционной логики имеются, впрочем, и другие столь же важные для нас принципы, но уже более узкой направленности, т.е. не затрагивающие глобальных основ бытия, - такие, к примеру, как аксиома Дунса Скотта: "Из истинного вытекает только истинное, из ложного - всё что угодно"; правило транзитивности, независимого распараллеливания и т.п. Причем все известные на сегодня понятийно-смысловые конструкты могут быть разделены на пять групп: истинные, ложные, амбивалентные, абсурдные и незаконченные. С позиций вышеизложенного рассмотрим две старинных задачи, над решением которых бились многие мудрецы в течение почти двух тысячелетий.

1. Некий древнегреческий философ, возможно даже Сократ, целый день бродил по городу и бил себя в грудь, утверждая каждому встречному: "Я - лжец!" К вечеру самые видные мужи полиса собрались, чтобы сообща разобраться, действительно ли Сократ такой большой грешник или это он по своему обыкновению говорит о себе неправду. Горячие споры длились очень долго, Но даже к утру ситуация не прояснилась. В задаче спрашивается: истину ли глаголил Сократ или, возможно, наводил все же на себя поклеп?

2. Однажды вавилонский царь приказал своему придворному брадобрею брить бороды тем и только тем людям, которые сами себе не могут ее побрить.

Спрашивается: должен ли брадобрей включать в этот список и самого себя?

Вот авторские решения этих дилемм.

1. Логическое предложение «Я – лжец» вначале необходимо переделать в почти тождественное ему: «Я лгу». На следующем этапе это последнее можно разбить, в свою очередь, на три качественно разных уточняющих высказывания: "Я всегда лгу", "Я иногда лгу" и "В данный момент я лгу". Первые два из них амбивалентны, то есть в одинаковой мере могут быть как истинны, так и ложны. Третье же высказывание не закончено. "В данный момент я лгу..." - относительно чего лгу? Только в зависимости от дальнейшего контекста можно будет судить об истинности или ложности этого последнего из высказываний. Если "Я лгу о том, что лгу", то налицо, как и в первых двух случаях, амбивалентность. Если же "Я лгу о том, что не существую на свете", то данное утверждение наверняка истинно. В том же примерно духе можно подобрать и стопроцентно ложный вариант.

2. Брадобрей не может сам себя побрить, ибо, как уже говорилось (см. выше), ни один природный субъект не способен воздействовать на субъект же. Кванторы возможности и долженствования оба относятся к области предикатов, но при этом второй из них заведомо уже и зависит от первого. Отсюда следует, что брадобрей не должен брить себе бороду.

IV

Ну и в завершающей главе попытаемся всё ж таки выяснить, за счет чего на уровне человека или даже человечества в целом реализуется такой удивительный природный феномен, как самосознание.

Прежде всего тут следовало бы уточнить, что без белков и астроцитов ни геном, ни первичное "я", ни таламус сами по себе наверняка уж никогда б не

догадались о своем бренном бытии. Так что это только с виду кажется какой-то незначительной мелочью, ибо в переводе на гносеологический язык полностью, можно сказать, были бы вычеркнуты из нашего обихода такие важнейшие научные дисциплины, как психология, биомедицина (а именно – в контексте генезиса одухотворенной планетарной материи и её коренного отличия от косной), этика, правоведение, да и многие другие поистине фундаментальные отрасли. В историческом же плане какие-то смутные проблески самосознания появились еще у тех первобытных дикарей, которые факт смерти близких приятелей, соседей и родственников смогли увязать с фатальной неизбежностью собственной кончины.

Но, впрочем, одним лишь белкам было бы, разумеется, неправомерно и - более того - даже алогично придавать здесь некую исключительную роль. Ведь по сути дела еще в ранних авторских работах было совершенно правильно подмечено, что главнейшими необходимыми и достаточными предпосылками для возникновения столь знаменательного для земной эволюции процесса следует считать: а) наличие как минимум двух ментально схожих особей на ограниченном ареале проживания; б) повышение у ранних представителей трибы Номо степени абстрагированности умственных операций до понятийного уровня (причём можно, по-видимому, говорить о том, что экстрасенсорика или жестовая связь в этом случае заведомо не проходит); ну и, наконец, зарождение так называемой второй сигнальной системы. Кстати, сам по себе термин "процесс" использован здесь вовсе не случайно: во-первых, он прямо и недвусмысленно отмечает идею взрывообразного появления или даже (как, в частности, об этом твердят отдельные наши весьма популярные в несведущих массах псевдо-авторитеты) «экспорта» такой когнитивной рефлексии откуда-то извне. Ну и, кроме того, употребляя это слово, мы воочию обнаруживаем концептуальную несостоятельность основного обсуждаемого нами тут понятия. Речь, конечно же, идет о самопознании, которое, хотя и фигурирует в подзаголовке данной статьи, - но всё-таки, откровенно говоря, не имеет сколь-нибудь строгой предметной очерченности. Однако и с другими семантически близкими терминами дело, в общем-то, обстоит не лучше. Если сознание это модифицированный для собственных нужд реальный окружающий мир, то, согласно логике, под самосознанием мы должны были бы подразумевать ту часть этого мира, которая охватывается рецепторами кожно-мышечной, вестибулярной и

болевой чувствительности и к которой можно еще вдобавок отнести различного рода сны, галлюцинации, грёзы, фантомные ощущения и т.п. Однако на практике термин "самосознание" чуть ли не во всех подряд справочниках рассматривается лишь в качестве одной из промежуточных ступенек интеллигибельного самопознания. Открытый автором «на кончике пера» Селкон (от англ. *self-conscience*) - это диффундированный по лобным отделам обоих полушарий кибернетический механизм, т.е. иными словами, подсобное эволюционно востребованное средство для достижения конкретно поставленной задачи; альтернативные же термины "самоосознавание" и «самоосмысление» почему-то не пользуются спросом у современных специалистов. Так что обобщая можно сказать, что здесь могучему русскому языку предстоит еще залатывать некоторые изъяны в философско-психологической лексике.

Помимо этого, довольно значительный интерес представляет тут проблема потенциальной низовой самоидентификации, ведь любому вдумчивому исследователю, по большому счету, было б, наверное, отнюдь не безразлично знать, обладают ли этим фактором те же, допустим, тепловые нейтроны (ну или какие-то иные долгоживущие частицы). Механически экстраполировать на них модные нынче доводы о некоем обязательном минимуме накопленной информации и на этом основании ничтоже сумняшеся откреститься от столь важного атрибута жизнедеятельности организованной космической материи мы не имеем права. Мало того, что сама по себе информация информации рознь, так еще и абсолютно никем не доказано, что те биты, которые заложены в каждой монаде или перимонадных структурах, идут всем нам на пользу. Быть может, человеческий разум апеллирует лишь к клеточному хроматину, а монады одного какого-то конкретного азотистого основания или аминокислоты несут при этом двоякого рода информацию: разнотипную - для собственных «кровных» нужд и тождественно-универсальную - для потребностей самих уже *Homines sapientis*?! Так что в данном случае трудно, пожалуй, сходу найти стопроцентно точный ответ: ведь затронутый здесь круг вопросов далеко уже выходит за рамки любой из естественных наук, принимая выраженную, по сути, философско-мировоззренческую направленность.

Есть еще один парадокс, не такой уж, правда, острый и животрепещущий, но всё же достойный того, чтоб хотя бы вкратце осветить

его на должном уровне. Речь идет о том, что всякий активно познающий субъект с одной стороны – сугубо формальной - ни в ком и ни в чём так хорошо не разбирается, как в самом себе; с другой же - содержательной - никогда не способен будет получить о себе столь же полную и всестороннюю информацию, как об окружающих его физических телах, которые он при желании в любой момент может пощупать, разложить на составные части, заглянуть вовнутрь и даже переделать «на свой страх и риск».

Ну и напоследок не мешало бы также подробнее рассмотреть здесь авторскую гипотезу о структурной реальности Селкона. Ведь процесс накопления информации об аналогиях, являющийся де-факто основной предпосылкой для развития глубокого абстрагирования, должен, в принципе, идти чуть ли не в каждом сенсорно-анализаторном поле; и поэтому может показаться, что для дополнительной вставки еще одного чётко локализованного модуля нет никаких оснований. Но всё ж таки тут имеются некоторые аргументы прикладного характера, ставящие под сомнение истинность этой, на первый взгляд, почти безупречной (если судить с философских позиций) общепринятой версии. Так, скажем, из психоневрологической практики известно множество пограничных случаев, которые естественней всего было б, очевидно, увязать не с чем иным как с временной*** гиперфункцией Селкона. Речь идет об особых сложно сконструированных obsessions - своего рода побочных детищах интеллектуального прогресса. Вот наиболее яркие их примеры: навязчивая мысль о недопущении навязчивых мыслей; аналогичная первой идея о том, что надо посмотреть на себя «снаружи»; мысль о том, что есть нечто, не дающее тебе сосредоточиться. Причем уйти от этого очень трудно, хотя человек по существу и сам не понимает, что же это за мысль: она просто-напросто безлика. Довольно-таки тесно ко всему вышеописанному примыкает и "парадокс сороконожки", но только разве что в плане большей доходчивости, так как гиперфункция Селкона это мем-паразит, присущий заведомо лишь высокоразвитому интеллекту. Вот почему гораздо иллюстративней был бы тут, пожалуй, другой типичный пример, хорошо знакомый всем людям, чья жизнь в той или иной степени связана с постоянной творческой деятельностью. Если на человека находит вдохновение, он может без усталости трудиться несколько часов подряд, причем с огромной продуктивностью. Но стоит ему на секунду отвлечься от самого

созидательного процесса, чтоб как бы со стороны оценить уровень проделанной им работы, как тут-то всё, увы, и тормозится. Этот довольно любопытный житейский парадокс принято именовать креативным артефактом "Ай да Пушкин", однако описанное здесь прилипчиво-навязчивое и даже всячески гонимое прочь сиюминутное тщеславие мучило, очевидно, многих интеллектуально сильных личностей еще задолго до великого русского поэта. Правда, объективности ради необходимо всё же заметить, что большинство подобных obsessions вполне вообще-то увязываются и с лёгкими временными нарушениями в деятельности первичного "я", на каком-то этапе не очень чётко ориентирующего сферу сознания; однако даже такая запасная версия не затмевает самой реальности Селкона как целостного структурно дифференцированного модуля.

Что ж до второго аспекта в авторской апологетике Селкона, то он носит как раз уже чисто кибернетический характер: для того, чтоб адекватно воспринять свою "самость", субъекту надо накопить определенное количество битов информации; но при этом всякий новый, в том числе и конкретно интересующий нас логос-неофит должен будет в любом случае обосноваться среди сверхпонятий, существовавших уже до него, т.е. на вершине нашего нейро-архитектурного устройства.

Краткое завершающее резюме

Вот, пожалуй, и всё, что можно пока на сегодня сказать о запуске и реализации сложнейших мыслительных механизмов на уровне индивидуального человеческого бытия и главенствующей, воистину непереоценимой роли в этом процессе таких, казалось бы, чуждых нашим «кровным» нуклеиновым структурам белковых макроглобулинов. Что же касается всего планетарного человечества, то оно в конце концов полностью осознает свою сущность и предназначение тоже лишь с помощью роботов. Интересно, что как белки, так и высокоорганизованные роботы из не столь уж отдаленного грядущего, способны накапливать и анализировать информацию об окружающем мире, собственно говоря, даже без непосредственного_поддержки будь то со стороны ДНК, ну или, соответственно, нынешнего учёного сообщества. То есть здесь, иными словами, еще раз воочию подтверждается предложенная нами ранее гипотеза, суть которой - в том, что эволюция космического интеллекта по своим темпам заметно опережает

эволюцию живых природных систем. И, таким образом, лишь в человеческом социуме (ибо некая вырванная из него бесхвостая вертикально ходящая особь ничего, увы, сама по себе не значит) для зрелого земного разума - как единственного эффективного орудия на пути постижения истины – уготованы необъятные и весьма к тому же привлекательные перспективы!

**Тут имеется в виду второе издание брошюры 1871 года, поскольку первое (1866 г.) было арестовано и полностью изъято из продажи царской цензурой.*

*** Впрочем, не исключено, что профессиональные маги и чудотворцы могут даже обращаться за нужной информацией и к аминок группам, а также глюонам, мезонам и т.д. (как бы погружаясь при этом в поистине бездонные мнемохранилища нижележащих систем)*

**** Уточним, что здесь имеется в виду пока еще легкая, т.е. сугубо функциональная форма проявления соответствующей патологии.*

ЭМИР АШШУРСКИЙ
(г. Киев, Украина)